СЕВЕРНЫЕ НАРОДЫ ЖИВУТ ВЗАИМОПОМОЩЬЮ

ЕВГЕНИЙ ПЕРЕВЕРЗЕВ

В нашей стране этническая глубинка всегда существовала — благодаря необъятному бездорожью и транспортной недоступности. Экзотика местной жизни, отражающая необычное происхождение жителей и их причудливую историю вместе с географией, безусловно, меняется со временем, но изоляция за редким исключением остается прежней.

Демография

С начала перестройки уровень жизни во многих экономически неустроенных районах упал колоссально (например, на Центральном Таймыре), но это не значит, что население там вымирает из-за пресловутого уровня жизни и отсутствия помощи со стороны государства. Когда я оказался на рубеже тысячелетия в национальном поселке Усть-Авам (Центральный Таймыр), меня, с одной стороны, поразила всеобщая нищета, а с другой — обилие подножного корма (дикий олень и отличная рыба), с помощью которого можно прокормить какое угодно количество детей (хотя есть еще проблема одежды и обуви). За пару лет до меня там полгода просидел мой американский коллега Джон Зайкер. Он тщетно пытался просветить местную молодежь преимуществами использования презервативов, но его так и не поняли.

Транспорт

В постсоветское время стоимость общественного вертолетного билета от Дудинки до Усть-Авама (один час полета) стала примерно такой же, как на самолете от Москвы до Дудинки (Норильска, четыре часа). Поэтому если кому из Усть-Авама нужно купить что-нибудь в Дудинке, на билет скидывается вся родня. Однако сохранить деньги на обратный пролет удается редко. Тогда выручает оказия.

Она была и в советские времена, и остается в настоящее время, только в сильно сокращенных возможностях — «садиться на хвост» и бесплатно пользоваться дорогим транспортом, который летает по случаю,— черта очень важная в любой глубинке.

Сохранились две общие формы оказии: «школьный вертолет» — на летние каникулы он развозит по родительским стойбищам или поселкам детей и потом собирает их на учебу в интернат — и санрейс, «больничный вертолет», аналог скорой помощи. Одна моя коллега застряла как-то в ямальской тундре и смогла оттуда вылететь лишь с «милицейским вертолетом», поскольку там был обнаружен когда-то утонувший человек. На этом вертолете, кажется, она была единственным живым пассажиром (полиция не в счет).

Другая форма оказии — грузовая. С ее помощью, к примеру, добираются по Севморпути на ледоколах жители приенисейских поселков вниз от Дудинки, когда на зимний период заканчивается навигация — их высаживают прямо на лед. Один ненецкий предприниматель таким образом утопил свой вездеход, но у него было два, так что он не очень расстроился.

Мои чукотские друзья как-то раз сообщили мне, что на Чукотку можно добраться, минуя самолет, через Владивосток, если суметь договориться с капитаном углевоза, который совершает туда регулярные рейсы.

Есть, конечно, зимник, для Сибири это один из важнейших и характерных видов сообщения. Идеально подходят русла замерзших рек. Для Якутии с ее 60-градусными морозами существуют несколько важных правил. Одно из них — при остановке на свежем воздухе не глушить мотор. Иначе резина за считаные секунды обратится в пыль и машина останется на дисках до весны. Когда же наступает весна, опытные водители с кабины снимают двери (угадайте зачем).

Пища

Вопрос о прокорме в «рыбных» краях с оседлым (поселковым) населением местная администрация решает по-разному. Хуже всего, вероятно, чувствуют себя жители Камчатки, где квота на вылов рыбы не имеет отношения к реальности, а рыбнадзор жесток и неумолим. Но в поселках Чокурдах и дальше вниз по Индигирке, в Русском Устье (Центральная Якутия), где я оказался несколько лет назад, у меня возникло редкое ощущение спокойного благополучия. А ведь в советское время из Чокурдаха летали самолеты в Москву, нагруженные местной рыбой для ресторанов (теперь летают только в Якутск — рестораны есть и там).

Интернаты и школы (чукчи и ханты, нганасаны)

К школьному образованию у разных народов отношение различное. Для жителей Чукотки, к примеру, это явление трагическое, но обязательное: если ты не дашь своему ребенку среднего образования, ты закроешь ему дорогу в жизнь. А у сургутских хантов среди таежных болот, если ребенок сбежит из интерната и доберется до родного стойбища, его не будут донимать с образованием (таких я видел в середине 1990-х).

На Таймыре я был знаком с Игорем Костеркиным, внуком нганасанского шамана Демниме. Дед не пустил Игоря во второй класс, когда узнал, что там детям запрещают говорить на родном языке. Он встретил вертолет с винтовкой в руках, и в результате в конце 1980-х Игоря не взяли в армию по причине неграмотности.

Но это было все-таки исключение из правила.

В поселке Усть-Авам, куда он перебрался после смерти деда, Игорь, пожалуй, оказался единственным, кто не курил и не пил алкоголь.

Воровство

Это не обычный жизненный прагматизм — взять то, что плохо лежит. В начале перестройки, как мне рассказывал упомянутый Джон Зайкер, в таймырском поселке Усть-Авам на лодочных сараях появились замки. Хотя сбывать ворованное некуда, с лодок стали снимать моторы. А в таежных селькупских поселках и сейчас не принято запирать лодочные сараи, и моторы с лодок не снимаются, но это днем — ночью все снимается и запирается. Однако если человек днем приехал на лодке в гости, бензин он уносит с собой — его могут слить и днем.

Алкоголь

Здесь обычно он очень плохого качества. Однажды я оказался у канинских оленеводов (самых западных кочевников в нашей стране). На стол, за которым происходило знакомство и где было угощение, я выставил бутылку водки, купленной в Москве. Хозяева отведали напиток и заявили, что это не водка — напиток с таким вкусом они в своей жизни не встречали.

Кочевники

Для оленеводов всегда были актуальны резиновые сапоги и резиновые лодки. Хорошее туристическое снаряжение пользуется спросом. После перестройки канинские оленеводы, ненцы и коми, поменяли традиционные чумы на батальонные палатки. Для еды и отопления покупаются круглые печки из бензиновых бочек, которые научились производить архангельские умельцы.

Дикоросы

Морошка очень помогает жить в наше время, если ее покупают у тебя не соотечественники на трассе (к примеру, Москва—Архангельск, поселок Шолоша), а норвежцы — как экологически чистый продукт (в поселке Ома той же Архангельской области).

НИКОЛАЙ ПЛУЖНИКОВ, кандидат исторических наук,
Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

ДМИТРИЙ ТКАЧУК